

стояли гражданственность русской эстетики. Их учеником и продолжателем был Фонвизин, который считал, что писатель — это «страж общего блага», «полезный советодатель государю, а иногда и спаситель сограждан своих и отечества». Понятно поэтому, какое значение имела настойчивая пропаганда важности литературы и рассуждений о литературе в трудах основоположников русской литературной культуры XVIII века. Понятно, почему их ученики (например, сотрудники журнала «Полезное увеселение» и др.) так ревностно оспаривают мнения о дурном влиянии на нравы драматической литературы, доказывают полезность поэзии. Понятно, почему и Сумароков, и Богданович, и Херасков, вообще говоря, вовсе не враждебные всем элементам учения Руссо, ополчаются против его диссертации о вреде искусств и наук. С другой стороны, не без поддержки и участия литературно-критических теорий первой половины XVIII века укрепилось в России то активное, политически-острое литературное движение, выступившее на борьбу со всяческим социальным злом, которое Белинский назовет впоследствии сатирическим направлением и из традиций которого выведет лучшие, наиболее прогрессивные тенденции русской литературы своего времени.

4

В плане непосредственно историко-литературном граждански-учительный и морализующий характер русской литературной мысли 1730—1750-х годов являет сочетание принципов «высокого» классицизма с более поздними идеями того общеевропейского литературного течения, которое готовило еще с начала XVIII века будущий расцвет так называемого «сентиментализма». Аналогичное сочетание мы наблюдаем во Франции, например, у Вольтера, в Германии у Готшеда; но в России оно приобрело более выраженные формы, более чем на Западе подчеркнув серьезно-наставительные цели искусства. Классицизм XVII века был стилем по преимуществу анализирующим, но лишь в малой степени морализирующим; однако именно он выдвинул требование рационального обоснования искусства, и это обоснование его было найдено у преемников Буало и его школы в принципе пользы. Полезность же и морализм литературы были выдвинуты как тезис против «бесполезности» аристократического искусства наследниками пуритан, проповедниками буржуазных семейных и социальных добродетелей, в частности, например, английскими моралистическими журналами Стиля и Адиссона; эти журналы совершили победное шествие по всей Европе, переводились, вызвали подражания; и в России, уже в первой половине века, их читали в переводах (французских, немецких), так же как читали французские подражания им. Затем, на той же социально-эстетической основе